

ЯН ВАН
ПРАТ

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Ян Ван Прат

Гуси-Лебеди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422122

SelfPub; 2023

Аннотация

Вик, тридцать лет, айтишник. Носит тёмный костюм, белую рубашку, галстук. Зачем-то закусился с лебедем и в итоге рухнул посреди бескрайнего поля на границе с Пекельным царством. Что теперь делать? Где искать выход? На чём ехать? Куда бежать?

Содержание

Глава 1. Кисельные берега	4
Глава 2. Печка	9
Глава 3. Яблоня	15
Глава 4. Ёжик	21
Глава 5. Баба-яга	29
Глава 6. Змей Горыныч	37
Глава 7. Маша	45

Ян Ван Прат

Гуси-Лебеди

Глава 1. Кисельные берега

Визг тормозов, скрежет металла по асфальту, глухой удар, ещё один глухой удар, мир закрутился перед глазами и затих.

* * *

Недовольный гогот, что-то кожисто и колючее царапнуло ладонь, ещё раз царапнуло, в рот и нос залезли перья, заставив оглушительно чихнуть, а потом кто-то тюкнул в голову и руки непроизвольно разжались.

– А-а-а-а! Помогите! Ма-а-а...

Вик думал, что расшибётся, но приземление вышло удачным. Стог сена посреди луга, как достойная принцессы перина, принял его в шуршащие объятия. В нос ударил душный запах трав, сухие стебли неприятно заскреблись и оцарапали кожу. Он выбрался-выгрыз дорогу, весь как олицетворение Страшилы из Изумрудного города, только без мозгов. Потому что человек с мозгами не стал бы спорить и драться с лебедем, за счёт которого и держался в воздухе. Как прыжок с

парашютом, только без парашюта – так себе удовольствие.

– Ой! Ты – Сеновальный? – промурлыкала девушка в козынке, красном сарафане и сандаликах на босу ногу, невесть откуда взявшаяся посреди бескрайнего пространства покошенной травы. Ветер трепал русые, выбившиеся наружу пряди. Она склонила голову к плечу и легкомысленно потянулась к мужчине. – У тебя за ушком цветочек. Дай уберу.

– Выпить есть? – невпопад прохрипел Вик отплеываясь, судя по вкусу, ядрёной полынью.

– Река там, – ткнула девушка куда-то ему за спину, – меня Маша зовут.

При звуках её имени какая-то странная ассоциация пронеслась в голове, но Вик тряхнул волосами, отгоняя лишнее. Некогда ему сентиментальничать. Имя-то распространённое.

– Ага-ага, а транспорт тут какой-нибудь ходит?

– Кони... змеи... птицы... – пожала плечами Маша, – но, сдаётся мне, мил-человек, ты предпочитаешь легковые автомобили с механической коробкой передач.

– Птиц я уже пробовал.

– Не вкусно?

– Не успел.

– Медленно бегаешь?

– Скорее низко летаю и быстро падаю.

– Да и тормозов у них нету... Ну так что ты хотел? Гравитация, все дела. А ты без парашюта. Скажи спасибо, что

не заклевали. Это ж гуси-лебеди. Сварожьи птицы, у них и хозяин такой. С наскоку не договоришься.

Так за неспешной беседой они дошли до реки. Берег пружинил под ногами словно состоял из грунтового желе, белё-ые волны напоминали мраморные разводы могильных памятников. Солнце пекло макушку, пот лил ручьями, но пить почему-то расхотелось.

– Что-то мне расхотелось пить, – Вик приняхался: пахло неплохо, но не пивом. Чем-то ягодным и сладким. Тягучим.

– И правильно. Какой идиот тут пить будет? – кивнула спутница и начала разуваться. – Нам на другой берег.

– Нам?

– Ты же транспорт искал. А мне всё равно в ту сторону.

– А что там?

– Кони... Змеи...

– Нет. Тебе куда самой? Пункт назначения? Место встречи?

– Вот мне туда и надо. Я брата ищу, – бестолково подытожила девушка и опустила ноги в реку, словно проверяя температуру.

– Давай лучше я тебя перенесу, – неожиданно заговорило в Вике джентльменское воспитание, унаследованное от деда. После гибели родителей тот остался единственным опекуном, и больше брать пример было не с кого. Так что он читал книги по этикету, тренировал офицерскую походку, разгуливая по дому с книгой на голове, и другие *comme-il-faut*,

которые воплощал в нём бывший военный и заслуженный учитель русского языка и литературы.

Маша кивнула и начала обуваться обратно.

* * *

Переправились они не без приключений. Река оказалась густой и тягучей, как туман. Первое впечатление не обмануло. Цеплялась за ноги, обволакивала теплом, манила прилечь-отдохнуть и умопомрачительно пахла. Уже в самом конце Вик запнулся и нахлебался бы воды, если б девушка не втянула его на пружинящий склон противоположного берега, грубо схватив за шкуру. Шов воротника затрещал, с новой рубашкой можно было попрощаться, но обещанное рекламой “*вы больше не будете мучиться из-за плохих воротничков*” похоже состоялось.

– Нахлебался?

– Нет.

– Тогда иди и достань мне камень.

– Что? – дёрнулся было обратно Вик. – Какой камень?

– Любой.

– Зачем?

– Напишу на нём: «*Тут чуть не утонула Маша*» и брошу вон туда. Удачный же камень.

Вместе со стоном Вика из кустов раздался крик. Звучало, словно где-то рядом кто-то тёр пенопласт о череп и иногда

скрипел зубами об утку на последнем издыхании. Неритмично, но с творческим надрывом. Эхо-эффект особенно впечатлял. Вик хмыкнул.

– Это козодой, – сказала Маша и метнула сандалией на звук. В кустах заурчало, словно птица сорвала джек-пот или давно мечтала позавтракать подмёткой.

– Ну и в чём ты теперь пойдёшь?

– У меня их много, – хмыкнула девушка и достала ещё одну.

Глава 2. Печка

Плоская, как тарелка, равнина простиралась во все стороны. Казалось эта выжженная прерия не заканчивается нигде. Ни животного, ни дерева не нарушало безветренную пустоту, и только где-то, неловко промахиваясь по нотам, трещал хор кузнечиков. Под вывеской «*Пицца от Жар-Птицы*» дымился глиняный холм. Явно рукотворный, с несимметричным камнем на верхушке. Издалека Вик принял его за муравейник по типу африканского и приготовился драпать. Перед глазами всплыла картинка из передачи “В мире животных”, где бегущая колония таких же вот муравьёв с наскоку съедала небольшую лань. Потом вспомнил, что они могут двадцать дней гнать свою добычу без перерыва и смирился.

Маша такими сомнениями не страдала, лихо отковыряла глину, подхватила крышку-камень, стащила на землю, обернув руку косынкой, и заглянула внутрь:

- Это тандыр. Пирожок будешь?
- Разве в тандыре готовят пирожки?
- Разновидность печки. Что сделаешь, то и испечётся. Ты час назад с лебедя упал, хватит мыслить стереотипами.
- А нормальной печки нету?
- Раньше была. Но её растащили на сувениры. По кирпичику. Стройматериалы нынче в цене. Поэтому обходимся тандыром.

Девушка расстелила на траве косынку, заправив сразу же выбившиеся пряди за уши, и принялась таскать в неё ржаные пирожки. Пахло аппетитно. Рот наполнился слюной, Вик сплюнул и покачал головой.

– Нет, спасибо. Модель поведения Алисы в Стране Чудес мне не подходит.

– Не любишь есть и пить случайным образом, надеясь, что это решит твои проблемы?

– Это тоже. Но ещё неизвестно кто их пёк, что там за начинка, соблюдают ли санитарные правила и нормы в этой пекарне... Я уже не так молод, чтоб набивать организм всем подряд. Здоровье не то.

– Тоже верно. Надо быть полным идиотом, чтоб есть что-то в загробном мире. Ну, если не хочешь остаться тут навсегда, конечно, – Маша завернула пирожки и для надёжности затянула двойным узлом.

– Так ты тоже? Из этих...

– Что «тоже»? Нет, не «тоже». Я братца ищу. Его гуси-лебеди унесли. У меня дела с живыми, а вот зачем ты сюда забрался, я даже спрашивать не хочу. Лебедя чуть не изувечил. Я видела. За лапку ему до последнего цеплялся. Уууу, изверг! – театрально замахнулась на него спутница.

Вик хмыкнул и задрал голову к небу. Там, высоко-высоко в бесконечной синеве плыли облака, похожие на рыбью чешую. И ни одного лебедя.

– Покажи ладони?

Девушка приблизилась почти вплоты и резко сунула руки ему под нос. Демонстративно фыркнула.

– На! Любуйся! Может мне и косу расплести? Хочешь волосы пересчитать? А то может я морок навести хотела, а изображения на каждый волосок не хватило, да?

– Нет, ладоней хватит, – Вик поморщился и взял их в свои: для надежности поводил по ним большими пальцами. Ничего не изменилось. Потом долго разглядывал чёрточки и линии, с удивлением осознавая, что они не просто настоящие, не морок, не придуманные нечистью, у которой фантазии на папиллярные узоры не хватит, но и то, что очень знакомые. Например, вот эти четыре драконовых линии под углом он точно у кого-то уже встречал. Редкое сочетание. – Долго жить будешь.

– Если братца найду.

– А зачем ты тогда... ну... пирожки набрала с собой? Если их есть нельзя.

– Это мне сейчас тут застревать нельзя, а как брата найду, тогда и съем. Ты сам-то тут с какими целями, параноик?

– Дедушку хотел повидать. Надо кое-что... спросить. Сказать. А-то он умер и...

– Вот поэтому надо чаще общаться со старшими родственниками, слушать их пока они живы, не считая, что сам всё лучше знаешь! – постучала Вику по носу девушка. – И не думать, что времени вагон и маленькая тележка, типа всё успеется. Все вы такие... Сбрасываете своих стариков на ко-

го-нибудь, а потом страдаете, что столько не успели сказать, сделать, поделиться, а уже не с кем... Нету человека. Точка. Конец.

* * *

Дальше они шли в тишине. Каждый думал о своём, о вечном. Воздух раскалённым куском вламывался в лёгкие при каждом вдохе, и конца и края этой выжженной равнине не было. Ни дорог, ни транспорта, ни остановок. Он был согласен даже на обычный полустанок, наподобие тех, которые строят на безымянных километрах железной дороги. Хоть какой-то признак цивилизации, хоть какая-то передышка для глаз.

– Зато теперь я знаю как выглядит Ад, – просипел Вик и снова огляделся. – Как прерия, только без жирафов.

– Так и есть. Это Нижний мир.

– В смысле?

– Ну, а зачем, думаешь, здесь печка? Пекельное царство. Навь. Ад.

– А где главный... эээ... чёрт?

– Главный тут не чёрт, а Вый. Гоголя читал? Ну вот, он тут и главный. “Поднимите мне веки”, все дела.

– А мы на него не наткнёмся?

– Не на этой неделе, – пожалала плечами девушка и завертела головой, что-то выискивая.

– Почему?

– Да в отпуске он. Июль-август – два месяца отпусков. Все ездят по курортам, а он что, рыжий?

– Ясно, – прохрипел Вик. – Так вот почему тут никого нет.

– Ну да, но не только поэтому. Твой дедушка просто не сюда попал видимо.

– А твой братец?

– Вроде тоже не сюда, – снова пожала плечами спутницами. Похоже это был её любимый жест для выражения сомнений. – Не знаю, он же не умер. Просто гуси-лебеди его куда-то утащили, потерялся между мирами. Заблудился. Дорогу обратно найти не может. Маленький мой.

– Он жив значит. Это же отличные новости. Я уверен, ты его обязательно вытщишь и спасёшь. С твоим-то упорством.

– Угу, – девушка посмотрела в ответ нечитаемым взглядом и принялась переплетать растрёпанную косу. – Твои бы слова да богу в уши. Боюсь, как бы он здесь не застрял по-серьёзному. С его-то умением попадать в неприятности.

– Тогда надо поскорее выбраться отсюда и обыскать другие... ээ... локации. Куда там ещё можно попасть? Какой транспорт ходит из Пекельного царства?

– В Верхнем мире мы уже были.

– Это тот, где Молочная река и кисельные берега? – внезапно сообразил Вик.

– Ну да, тут каждый мир своя река опоясывает. Сакраль-

ная граница Верхнего мира Молочная река. Млечный путь. Седьмое небо. И... и ещё какое-то название было у китайцев. Не помню.

– Откуда ты столько знаешь?

– Книжки читаю. Раньше братику читала, теперь только себе.

– А в Нижнем мире тогда какая река?

– Смородина.

– Слушай. И правда. Вспомнил. Огненная река Смородина и Калинов мост. А охраняет его Змей Горыныч о трёх головах.

– Ну да, я же тебе говорила. Самый скоростный вид транспорта. Змей. Но мы его не будем тревожить, ладно? Подвезёт куда не надо, потом не рассчитаешься...

– А как мы тогда? Пешком что ли?

– Выбирай. Гуси-лебеди, Змей Горыныч или огнедышащие кони Бабы-Яги?

– Ну, пешком, так пешком. Нам какую сторону?

– По стволу и наверх. Тут где-то должна быть яблоня... Хотя иногда она не яблоня.

Глава 3. Яблоня

– Ананасы разве растут на дубе? То есть, они же вообще на деревьях не растут. Кажется. Я репортаж видел, где их как капусту, в траве собирают.

– Олух, это всеплодное дерево. Тут не только ананасы. Тут всё, что вообще можно представить, растёт. Мировое дерево называется. У скандинавов – ясень, Иггдрасиль который, у шумеров – хулуппу, у индейцев, которые мезоамериканские – это голубая агава, а у нас вот такое чудо.

– Агава? Это кактус что ли? Как они по нему взбираются? Там же сплошные колючки.

– Не знаю, сам у них и спроси. Или книжку умную почитай. Дон Хуан вроде рассказывал, но этот его ученик всё переврал после очередной порции пейота.

– Карлос Кастанеда, – поправил Вик, – и нет там ничего про Мировое дерево.

– Есть, ты просто не те грибы употреблял при чтении. И не только там. О нём всегда рассказывают эзоповым языком, аллюзиями и никогда в лоб. Тот кто задумается, начнёт вопросы задавать – и сам поймёт. А если с детства о таком слушать, то и на интуитивном уровне соображать будешь. Надо было в своё время мифы и сказки читать, а не дурью маяться. Например, Пушкин его называл дубом зелёным. Вон, видишь там ветку с желудями? То-то же.

– Так дуб зелёный на острове Буяне должен быть, а мы не на... – Вик заозирался. – Откуда он тут вообще взялся? Вроде мы шли-шли, ничего не было? И тут – дуб!

– Вырос. Одной ночи ему достаточно, – пожала плечами девушка и потянулась к яблокам. – *“Петух и жерновцы”* читал?

– И не один раз, – закатил он глаза.

Вик ещё какое-то время постоял, любовался на уходящий куда-то за облака мощный ствол, обмотанный толстой, блестящей цепью: в разные стороны тянулись ветки с яблонями, грушами, даже шишками, арбузами и какими-то странными плодами, похожими на розовую капусту кольраби – кажется, в Китае это называют драконий фрукт, но Вик его никогда не пробовал – а затем вслед за девушкой полез вверх.

– Ничего себе, Мировое древо, – прохрипел он на очередном витке, проклиная славяно-языческое мироустройство, – не могли что-нибудь попроще придумать? Там, Мировую лестницу, Мировой эскалатор или... О! Лучше всего – Мировой лифт! Чтобы сел, выбрал этаж, который тебе нужен: Явь, Правь, Навь, и тебя – вжух – сразу по адресу доставили.

– Вот когда встретишься с местными инженерами, предложи им эту идею, а пока не надо всё валить с больной головы на здоровую, – возразила ничуть не запыхавшаяся спутница, – ты не пробовал спортом заниматься? Зарядку там раз в неделю делать, а не сидеть круглыми сутками за ком-

пьютером в позе буквы зю. Что дома, что на работе, все вы к нему как приклеенные. Знаю я вас.

Вик выдохнул в сторону, выискивая контраргументы, потыкался по регистрам памяти и промолчал, обречённо соглашаясь. Из активных видов спорта – шахматы онлайн же не считаются? – на рыбалке последний раз он был именно с дедом. Кажется, в выпускном классе. Над рекой поднимался лёгкий туман, они сидели, скрытые душной травой, и ловили толстолобиков на свежий горох с дедушкиного огорода. Пахло мокрой глиной, поздним летом и камышами, а ещё казалось, впереди будет много-много таких же свежих утр, дней и вечеров бок о бок. Он тогда планировал на каждые большие праздники приезжать к деду, помогать с огородом, колоть дрова и сидеть вечерами за самоваром, беседуя обо всём на свете, но как это обычно выходит, всё сложилось совсем не так.

– Эй! Держись! Ты что делаешь? – вырвал его из задумчивости резкий окрик. Девушка неожиданно оказалась близко-близко, подхватила за локоть, не дав отклониться на достаточный для падения угол, а затем нахмурилась. – Не отвлекайся и не думай о постороннем. Мы не в городском парке собаку выгуливаем.

– А кого выгуливаем? Кота? – попробовал пошутить Вик и сообразил, кто тут должен расхаживать по золотой цепи вместо них. Вспомнил иллюстрации к сказкам Пушкина и содрогнулся, этот зверь даже в страшном сне не мог показать-

ся дружелюбным. – Слушай, а...

– Ждала, когда ты догадаешься. Да, он опасный и посторонних не любит. Драчливый, непредсказуемый, агрессивный, ну, примерно... как манул. Знаешь, да, почему их гладить нельзя? Но не волнуйся, на этой неделе он тоже в отпуске.

– Кот-баюн? В отпуске?

– А что такого? Июль-август, все в отпусках. *“Идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит...”* Ой!

Они поднялись ещё немного и упёрлись в звёзды. Словно кто-то сдёрнул занавес с изображением солнечного дня, обнаружив под ним ночную тьму. Вик засмотрелся. Как-то так на средневековых гравюрах изображали Вселенную: Солнце в центре, небосвод – твёрдая полусфера, пробив которую головой, можно увидеть или зазвездье, или слонов и несчастную черепаху, или как мировой океан переливается за гигантский край мира или...

Ощущение было, словно они сами чуть не впечатались в небесный купол, замерев в последний момент. Звёзды сияли прямо перед носом, над головой, у самых ног, словно отражённые в зеркально-гладкой поверхности... Бесчисленная россыпь созвездий, скоплений и туманностей вращалась вокруг них, как в гигантском планетарии. И перемигивалась.

– Смотри-смотри, там Южный крест. Обалдеть! Он же виден только ниже Северного тропика, ну никак не из России. Не думал, что когда-нибудь увижу его вживую, а не на кар-

тинке. А вон Сириус. Ого! Его же у нас наблюдают исключительно зимой, а если летом, то из Африки. Ха-ха! Фантастика. Смотри, а вон созвездие Большого пса, дед специально в Архангельск ездил, чтоб на него посмотреть. Представляешь. А теперь они все здесь и сразу. Красота!

– А мне нравится туманность «*Конская голова*», вон там, видишь? В Облаке Ориона, на расстоянии девяти сот световых лет от нас, – ткнула девушка в сторону красно-синего силуэта. – У меня такие обои на рабочем столе.

– А почему вдруг ночь наступила? – наконец пришёл в себя Вик и включил рациональное мышление.

– Наверно, потому что сказки рассказывают на ночь? Или просто пришла пора? Даже в междумирье нужно как-то отделять один временной промежуток от другого.

Вик отвлёкся на падающую звезду и пропустил момент, когда нужно было вступить в перепалку: – Вон! Вон, смотри! Пролетела вниз! Упала! Звезда упала. Почему-то только странная, тёмная какая-то.

– Это не звезда, это летучая мышь.

– Поздно! Я уже загадал желание.

– И что же ты загадал?

– Не скажу, а то не сбудется.

И тут ночь закончилась, а они вывалились на цветущий летний луг. Радостный, звенящий цикадами и кузнечиками, яркий и растрёпанный, поразительно похожий на поздние картины Ван Гога. Он оказался везде и сразу: справа, слева,

позади и перед лицом. Мгновение назад их окружала космическая тьма, и вот уже солнечный свет рухнул на них, как ведро воды, оглушая, ослепляя, заставляя бессмысленно моргать, пытаясь привыкнуть к красочному великолепию, чёткости и масштабу один к одному.

– Мы пришли, – беззаботно рассмеялся Вик, схватил спутницу за руку и с неожиданной уверенностью потащил вперёд, – нам сюда.

Глава 4. Ёжик

– Мы заблудились? – Вик опять первым задал самый позорный вопрос, осадив себя ровно через секунду после того, как надо было остановиться. Да что ж это такое! Ей-богу, как младший братишка, который не может придержать рот на замке и комментирует всё, что попадает на глаза.

– То, что местность вокруг странная – ещё не означает, что мы заблудились, – с важным видом пожестиковав ответила девушка, но в этот раз Вик почему-то рассердился.

– Да-да, это как у Алисы. Если не знаешь куда надо, то какая разница куда идти, да?

– Я знаю, куда! А вот ты, похоже нет. Мало сказок в детстве читал, – девушка развернулась и с пылающим лицом ткнула его в нос. Настолько аутентично по-учительски, что Вик даже попятился, но не сдался:

– Ну хорошо, скажи мне, куда ты идёшь?

– Скажу! Только давай уж ты сам догадывайся о деталях, ладно? Без всяких этих дурацких вопросов, – слишком надсадно передразнила его Маша и начала загибать дрожащие пальцы. – Мне нужно найти братца. Пекельное царство мы проверили, там его нет. Молочную реку в Сварге перешли. Тоже пусто. Получается, он застрял где-то при переходе между мирами. А значит... а значит нам нужно найти того, кто сидит на перекрёстке дорог!

– Хорошо, как будем искать?

Девушка замялась, угрюмо посмотрела направо, затем налево, от вспышки бравады не осталось и следа. Вику даже стало чуточку стыдно за свою несдержанность. В конце концов, они здесь застряли только вдвоём, им больше не на кого положиться, надо держаться вместе, а уж никак не ругаться. Тем более, до сих пор именно Маша более-менее ориентировалась в обстановке, бескорыстно подсказывая и направляя.

– Надо, наверно, спросить дорогу у кого-нибудь, – решил проявить инициативу Вик.

– У кого?

– Ну... – порылся в памяти Вик, перебирая славянскую мифологию и древнерусскую литературу. В голову почему-то неумолимо лез Пушкин со своей золотой рыбкой и мёртвой царевной. – У солнца... луны... ветра...

– Ты королевич Елисей, что ли? – снова вернулась к привычной язвительности девушка, но Вика это только обрадовало.

– Ты сама сказала, нужно сказки читать. Как там было? *“Аль откажешь мне в ответе? Не видал ли где на свете ты царевны молодой?”* – бодренько процитировал мужчина, стараясь не раздуться от гордости за феноменальную память.

– Ой! А ты прав! – засмеялась девушка и тут же упала на четвереньки, начав ползать в душистых травах как большая цветастая птица. Волосы вылезли из косы и теперь топорщились во все стороны, правая ляжка сарафана сбилась набок,

а на подоле некрасивой каймой виднелись пятна от речного киселя.

– Ты что делаешь? – не выдержал Вик спустя пару минут. Это путешествие уже было странным с самого начала, но некоторые вещи казались странными даже для этого уровня абсурда.

– А ты? Ты сам-то чего стоишь? Давай, ищи ежа, – просто дернула его вниз спутница, и он неуклюже свалился туда же, сочно плюхнувшись на задницу.

– Ежа? Зачем нам ёж?

Мгновением позже ему пришла в голову шальная мысль, что все их обсуждения живо напоминают книги Терри Пратчетта, где герои несколько глав подряд самозабвенно валяют дурака, обмениваются совершенно бестолковыми гипотезами, а потом это оказывается хитрым способом найти идеальное решение проблемы. Глобальное решение.

Девушка развернулась и не больно, но обидно щёлкнула Вика по лбу.

– Вот вроде умный, взрослый, образованный, а такой узколобый. Едва показалось, что ты начал что-то понимать, а ты снова... Ты как у Солнца спрашивать собрался?

– Покричать... Елисей же кричал...

– Расстояние между Землёй и Солнцем восемь с половиной световых минут. Знаешь, что такое световые минуты? Перекричишь столько?

– Хорошо. Что ты предлагаешь? У тебя есть астрономи-

ческий громкоговоритель?

– Я же уже предложила. Нам нужен ёж.

– Зачем? Стоп. Нет-нет, не говори. Я сам догадаюсь, – мужчина выставил вперёд ладонь, принуждая девушку замолчать. – Потому что он носит на спине грузы! А именно, яблоки. Там же яблонька ещё была, ну, в сказке про лебедей, которая уговаривала девочку отведать её яблочек. Да?

– Справка для общего развития. Ежи грузы на спине не носят, потому что берегут единственное средство самообороны. Туда они нанизывают только прелые, мягкие яблоки. По гигиеническим соображениям: органические кислоты яблочного сока, обеззараживают кожу под иголками и помогают против паразитов.

Видимо Вик не один любил смотреть “*В мире животных*”.

– Ладно. Сдаюсь. Зачем нам ёж?

– Ты ежа вообще видел?

– Ну... да. Мы в детстве в них в фут... то есть с ними играли, когда вечером ловили вместе с...

– Вот! На что он похож, когда сворачивается в клубок и ошетиливается иглами?

– На что? Круглый такой... На мяч, конечно? Футбольный. Поэтому мы его...

– На испускающее лучи солнце! – изо всех сил постаралась не закатить глаза собеседница. – Как тебя только дома терпят? Ну никакого же воображения нет. В ассоциации в детстве не играл?

– Играл, но всегда проигрывал. И дома меня не терпят. Я один живу.

– Оно и видно! На что похоже? – она вытащила из-за спины невесть когда собранный букетик одуванчиков и зарылась в них носом.

– Подожди, – Вик очень старался не упустить мысль. После того, как увидел её расстроенной и напуганной, обижаться на свою взъерошенную спутницу у него по-серьёзному не получалось. – То есть вместо солнца, можно спросить у ежа? Просто потому, что он похож на солнце? По одной только ассоциации?

– Именно так и работает символизм, – Маша пожала загорелыми плечами, сдула желтую пыльцу с кончика носа, убрала русую прядь за ухо.

Вик улыбнулся и щёлкнул её по носу, девушка чихнула, но отчего-то даже не обиделась.

– Ну-да, ну-да. Чего это я? Нормальный поступок нормальной язычницы.

– Не язви. Лучше бы ежа нашёл, – Маша было пнула его по коленке, но он каким-то чутьем догадался и вовремя сместился левее. Кажется, детские навыки выживания в агрессивной подростковой среде возвращались сами собой.

Вик вздохнул, отполз подальше, опустился на четвереньки в траву, каждой клеточкой чувствуя идиотизм ситуации, и мысленно представил себя ежом. В детстве старшие научили его: если хочешь найти какую-то вещь, представь, где ей

удобнее всего лежать, и ищи там. Так что теперь он попытался проассоциировать себя с ежом и понять, где бы он прятался, на его месте.

– Самое удобное место... самое скрытное место. Откуда всё видно, но меня самого не видно, а ещё можно быстро убежать в лес и спрятаться. Так это же очевидно! На опушке под корнями дуба! Здесь есть опушка? – едва он начал вертеть головой то, словно по волшебству обнаружил справа одинокий дуб, за которым начинался густой лес. Ворох прошлогодней листвы и высокая трава тоже работали на его идею. – Идём туда!

Девушка подозрительно перевела взгляд с него на внезапно возникшие пригорок и дубраву, а затем пошла за спутником, на удивление ничего не прокомментировав.

Ёж как будто давно ждал их на опушке. Крупный, аккуратный, словно лоснящийся от сытой жизни, он устроился на торчащих корнях, фыркая и презрительно поддёргивая носиком. Иголки ровные, прямые, с выгоревшими острыми кончиками топорщились красивым ореолом вокруг подвижного тельца, поразительно напоминая ворчливое, чем-то недовольное, отдыхающее от праведных трудов солнышко.

Маша ойкнула, но, быстро сориентировавшись, низко поклонилась ему: по-русски, низко, с рукой от груди, а Вик застыл как баран в недоумении, пока ему не прилетела закономерная оплеуха:

– Чего выпендриваешься? Поздоровайся нормально, – за-

шипела девушка, – это нам нужна его помощь.

– Здравствуйте, товарищ Ёж, – растягивая слова, заговорил Вик, чувствуя себя идиотом ещё сильнее, чем когда стоял на четвереньках в траве, одетый в рубашку и галстук. Ладно печка, ладно гуси-лебеди, ладно странная молочная река, но говорящее животное... Они же не в Нарнии в конце-то уж концов.

– Ёжик, ёжик, не видал ли ты, куда гуси-лебеди полетели? Кого в дальние края понесли? Мне бы братца своего найти ненаглядного, – а вот у его спутницы таких сомнений не было.

– А я деда ищу, – решил пользоваться любой возможностью Вик. Вбитая социумом парадигма: быть как все, не совершать выпирающих из общественной ткани поступков с печальным хрустом затрещала где-то на подкорке.

– Я отвечу только на один вопрос, сами решайте какой, – важно заговорил ёж, Вик вздрогнул, уронил челюсть и запоздало обрадовался, что всё-таки поклонился, да и вёл себя прилично с самого начала, а спустя миг до него дошёл смысл слов.

Они с Машей переглянулись, как родственники-заговорщики, вместе таскающие конфеты у дедушки и понимающие без слов, когда их пора перепрятать. Вик кивнул ей, чтоб она спрашивала, потому что у него дедушка, проживший своё человек, который уже умер, а у неё пропавший брат, живой мальчишка, мелкий и, наверняка, испуганный шалопай. И

ищет она уже давно, и вообще, она хрупкая девушка в красном сарафане и сандаликах. Не самая удобная одежда для путешествий по загробным мирам. В конце концов, он уже смирился, что вернётся ни с чем: лучше бы и не начинал.

Его спутница кивнула и повернулась к ежу:

– Ёжик, ёжик, скажи, пожалуйста, где нам дедушку искать?

Глава 5. Баба-яга

– Почему ты про брата не спросила? – задал он, уже набивший оскомину вопрос, но его спутница снова легкомысленно пропустила всё мимо ушей, потянувшись к очередному одуванчику. Венок из жёлтых пушистых цветков красиво скручивался у неё руках, и Вик ностальгически вздохнул: в детстве он так и не научился этой премудрости, втайне завидуя всем, кто влёгкую сплетал головные уборы из любых подручных растений. Другие были кто лешим, кто вождём краснокожих, кто снайпером в засаде, а ему приходилось ходить и канючить, чтоб кто-нибудь с более прямыми руками сплёл ему “костюм”.

– На, держи, – нацепила она ему на голову венок, оторвав от грустных мыслей, – теперь ты на пастушка похож. Как Лель. Только дудочки не хватает. И одежды поприличнее.

– Ты так и не ответила почему...

– А что тут обсуждать? Ты сказок не помнишь, направления не чувствуешь, ешь что попало. Загнёшься же без меня. Сначала найдём твоего деда, а я потом как-нибудь сама разберусь.

– Я не твой младший брат, не надо обо мне заботиться и за меня думать. Да даже если бы был, нужно действовать как в самолёте: “сначала наденьте маску на себя, потом на ребёнка”.

– Да, ты прав, – вздохнула девушка как-то очень знакомо. – Похоже я проецирую на тебя свои страхи. Незакрытый гештальт. Гиперопека. Ладно-ладно. Подумаю об этом на досуге.

– Дед всегда меня учил: каждый сам отвечает за свои решения. И если ты принял его в чьих-то чужих интересах, то отвечать за него всё равно придётся тебе. А другого, таким образом, ты лишаешь осознанного выбора и этапа взросления.

– Какой умный у тебя дед. Теперь я ещё больше рада, что про него спросила. Вот найдём и спросим совета. Прямо не терпится с ним познакомиться.

– Да ты меня вообще слушаешь, а?! – впервые так очевидно вспылил Вик, чувствуя, что в присутствии спутницы его совершенно не тянет притворяться серьёзным, строгим инженером с печальными и усталыми глазами, повидавшими тонны некачественных чертежей и идиотских смет.

– О! Кажись, мы на месте, – опять пропустила наметившиеся разборки девушка и ткнула пальцем в опушку.

На поляне, в окружении надетых на колья черепов стояла избушка на курьих ножках об одном окошке. Солнце ярко освещало обнесённое мощным тыном подворье, сквозь узорчатые железные ворота был виден немаленький огород и по странной системе вкопанные двенадцать шестов. Деревянный домик на рельефных, кожистых лапах с четырьмя внушительными когтями топтался по самому центру, свер-

кая, как единственным глазом, маленьким окошком.

– Ого! Настоящие ноги! Я думал это метафора. Подожди-подожди, я знаю, что делать! – обрадовался Вик и тут же выпалил: – избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне – передом!

– Сами вы метафора! И нету у меня зада! – сказала избушка и обиженно отвернулась, плотно захлопнув окошко, дверь и ловко поджав лестницу, как куцый петушиный хвост.

– Ну что, молодец. Всё правильно сделал, – захохотала спутница и принялась подпрыгивать, в конце концов уцепившись за конец недовольно вздрагивающей лестницы. – Здравствуйте, Бабушка-Яга, мы к вам в гости пришли, пирожков принесли, – крыльцо дёрнулось, словно кто-то обиженно взбрыкнул плечом. – А ещё есть яблочки молодильные. Свежие. С пылу с жару, только что с Мирового древа насобирала. Золотые и хрустящие, тому, кто их съест, молодость и здоровье возвращают, – внутри бревенчатого домика всё также царила тишина, и только куриные ноги недовольно переминались по картофельным грядкам. – А хотите... а хотите мы вам всю картошечку проподем и протяпаем?

– Договорились! – раздался изнутри скрипучий недовольный голос, лестница плавно опустилась на землю, а из приоткрывшейся двери вылетели две тляпки и панамка. – У тебя хоть косынка есть, а твой шалопай вообще как будто на курорт собрался. Пусть наденет, а то ещё солнечный удар словит, выхаживай его потом.

* * *

– Вот если бы ты промолчала, нам бы не пришлось участвовать в битве за урожай, – ворчал Вик, снявший с себя рубашку и надевший её под панамку наподобие арабских кувфий, что от жары не спасало, но давало некую пародию на тень. Галстук он так и не решился выкинуть, так что вкалывал на огороде в нём на голо тело, кажется, перестав беспокоиться о приличиях. Они уже несколько часов как закончили с сорняками и теперь активно махали тяпками, напоминая ветряные генераторы со сломавшимся приводом. Самое главное было правильно вздёрнуть вверх за рукоятку, а падала она уже сама, под действием гравитации.

– Вот если бы ты промолчал и не обозвал избушку некрасивым словом, то нас бы уже давно и в баньке попарили, и напоили, накормили, а не это вот всё, – в тон ему, также ворчливо ответила девушка. Она подоткнула сарафан ближе к поясу, чтоб не путаться в длинном подоле и теперь выглядела как школьница, против воли вывезенная родителями-огородниками на обработку драгоценных шести соток. Но всё равно смотрелась куда гармоничнее полугололого мужика в полосатом галстуке.

– А что там обидного? Ну метафора и метафора...

– Ш-ш-ш, – торопливо залепила ему рот ладонью спутница, – давай-давай, продолжай болтать. Тут за околицей ещё

поле непаханое, а вдруг бабушка давно мечтала о популяции тыкв и капусты, или колонии крыжовника? Уверена, пару лопат и грабель она для нас тоже найдёт.

– Да пусть что угодно придумывает! Я работы не боюсь! – вспылил Вик. – Что угодно сделаю, лишь бы дедушку увидеть.

– Даже коней три дня пасти отважишься? – проскрипел словно возле самого уха ехидный старческий голос.

– Нет, нет, он шутит. Это он просто на солнце перегрелся, панамку набекрень надел, не слушайте его, бабушка, – взмолилась Маша, пытаясь заткнуть не вовремя раскричавшегося спутника.

– Коней? Тут водятся нормальные кони? То есть тут всё-таки есть нормальный транспорт? Да хоть и гужевой? А ты говорила...

– Транспорт? Ха-ха-ха! Транспорт! – дверь в избушку со скрипом отворилась, и на крыльцо вышла высокая седая старушка с крючковатым носом и, комкая в руках вышитый передник, принялась заливисто, по-девичьи хохотать. – Ох, рассмешил. Ну, даёшь. Отличная шутка. Давно я так не смеялась. Ради такого добра молодца, я тебе даже тест-драйв устрою. Даже пасти не надо. Просто сходи к стаду, полюбуйся и попробуй привести хотя бы одну. А картошечку оставьте, вернётесь – дотяпаете.

– Я же тебе говорила про огнедышащих коней Бабы-Яги. У неё есть такая кобылица, на которой она каждый день во-круг света облетает.

– Забыл.

– Хорошо, что нас пасти не заставили, а то без помощников никак. Помнишь сказку про Марию Моревну? Нужна птица заморская, львёнок и пчелиный рой. Кто нам без них табун собрать поможет, а? Они же как из дома выходят, тот-час хвосты задирают и разбегаются по дремучим лесам.

День клонился к закату. Солнце, как гигантский малиновый шар катилось за горизонт, словно «Неуловимые мстители» начинались с финальных титров. Земля под ногами еле заметно подрагивала, словно вибрация от сотен слонов, бегущих на водопой.

– Землетрясение? – вскочил Вик.

– Валим! – закричала Маша и хватанула его за рукав.

Как по-волшебству и впереди, справа и слева возник табун лошадей. Гривы полоскались по ветру, земля перешла на более мощную и высокую вибрацию. Кажется, даже слоны были бы невесомее.

– Вставай за спину, и не рыпайся, – крикнул Вик, выхватывая у Маши косынку и распуская узелок.

Табун начал обтекать их словно потоки речной воды валун. Их окутал запах горячего металла, кожи и терпкого пота, а потом один из коней остановился и ткнулся Вику в руку.

– Ах, ты ж мой хороший, – медленно и с чувством заговорил мужчина, встав чуть слева, на линии уха, под углом к голове. – Ты такой молодец, хочешь пирожок? Хочешь? Вкусный. Очень вкусный. Специально для тебя принесли. А можно нам прокатиться? Да тут недалеко, до дома. Тебе в ту же сторону. Вот спасибо. Ты мой золотой!

Продолжая разговаривать и нахваливать коня, Вик подсадил девушку на гладкий круп, и сам забрался следом.

– Как ты это сделал?

– Меня дед научил. Надо всё время дружелюбно разговаривать, и стоять вот так, чтоб коню тебя видно было. И вознаграждать за успехи. Передай мне ещё один пирожок. Вот ты умница, вот ты молодец. На тебе ещё. Вкусно. Вот молодец. Пошли-пошли, можно и по пути пожевать.

– Круто! А по сюжету предполагалось найти жеребёнка, дожждаться пока он вырастет, объездить его, а потом как на транспорте и по делам?

– Не-не, слишком долго. Тайм-менеджмент такое не терпит.

* * *

– Справились? Вот и молодцы, – впервые оказавшись внутри избышки путники поразились простору и чистоте. Огромная русская печь, белёная и аккуратная, светлые занавески, большой круглый стол с расшитой скатертью. В уг-

лу сама по себе жужжала и постукивала прялка, скручивая невесть откуда появляющуюся пряжу в нить. Старуха засуетилась возле печки, накрывая на стол: – Вот вам с пылу, с жару. Отведайте-ка моего ржаного пирожка с киселём.

– Мы не голодны, – брякнул Вик. Последнее время постоянные предложения что-нибудь перекусить начали его откровенно пугать.

– А я лучше с собой возьму, – сказала Маша.

– Мы деда ищем, бабушка. Не подскажите, где он может быть?

– А зачем ищёшь, милоч? Он уже умер, с миром живых у него дел нет.

– Поговорить хотел... Спросить... А что, нельзя?

– Да можно, конечно, – со странным выражением посмотрела на него Баба-Яга, – только подумай как следует, почему тебе это так важно. Может всё-таки дело не в нём? – а потом со вздохом, протянула клубочек. – Как пользоваться нужно объяснять?

Глава 6. Змей Горыныч

– Слушай, получается, как только клубочек закончится, так я окажусь в Царстве мёртвых?

– Ну конечно. Это же Макошь, богиня судьбы. А нить в клубке – твоя жизнь.

– Баба-Яга? Макошь?

– Ну, да. Думаешь, зачем ей прялка? Она прядёт нить жизни для каждого человека. Вот она тебе твою нить жизни в клубочке и отдала. Как он весь разматается, так отмеренный тебе срок закончится, а значит, ты окажешься в Царстве мёртвых.

– Слушай. А логично. И насколько красиво придумано, – присвистнул Вик, прослеживая как кончик нитки останавливается, указывая вперёд.

На опушке под лесной яблоней сидел сухонький старичок и жонглировал яблоками. Если бы не движения рук, он бы полностью слился с безмятежным фоном, настолько умиротворённо выглядел. Словно единение с природой было не каким-то теоретически исследуемым феноменом, а существовало здесь и сейчас. “Всегда”, – подумал Вик и замер, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Он долго-долго стоял, не двигаясь, зачем-то пытаясь надышаться. Маша молчала и не торопила, лишь едва заметно вздрагивала. Словно шевелила губами либо безмолвно плакала.

– Дед, это ты? Как ты тут?

– Внучок! Ох! Ты ли это? Вырос-то как. Какой красивый стал! Какими судьбами?

– Я... я опоздал, дедуль. Не успел на твои похороны. Искал тебя, чтобы попрощаться. Прости меня.

– А чего так?

– В командировке был. С утра в гостинице услышал, что пришла смс-ка, но... поспешил на завтрак, потом собрался и выехал, а телефон достал только... только на заправке, когда до ближайшего аэропорта было как до Китая раком, – начал рассказывать Вик, чувствуя на губах солёную жидкость. Слова лились, а перед глазами вставали картины, ещё мгновение назад казавшиеся мутными и путаными воспоминаниями.

Возле заправки и зоны перекуса стояли сосны. Старые, пахучие сосны и скамейки для проезжающих, все ходили вокруг, смеялись, что-то обсуждали, а он сидел как дурак и пялился в телефон, раз за разом перечитывая чёртову смску, пытаюсь понять, как же она себя чувствовала, когда её отправляла. Когда набирала эти три коротких, ёмких и полных безысходного отчаяния слова. “Сегодня умер дед”. Слезы застилали ему глаза, а он пытался понять, что сделать, чтоб сейчас же оказаться рядом и... всё. И больше ничего не мог. Прости сидел, молчал, перечитывал, пытаюсь осознать, как же так получилось, что в самый важный момент он оказался за несколько тысяч километров от родного дома, хотя знал же. Знал. Ему столько раз звонили и напоминали. Что

дед болеет, что у него что-то с сердцем, вчера положили в больницу... Дед даже сам звонил ему, по-военному уверенным голосом сообщал в трубку, что *“всё, мы умираем, приезжай прощаться”*. Наверно, именно его такая бодрость, спокойствие и непоколебимость оказали противоположный эффект. Вик тогда посмеялся и сказал, что *“ты ещё сотню лет проживёшь, хватит меня пугать, успеем свидеться и водки попить”*... и не успел. Этот бодрый голос некстати зазвучал в ушах и оборвался. Потому что дед тогда бросил трубку, а Вик даже не успел объясниться. Ни тогда, ни сейчас.

– Обидно. Испортил я тебе командировку, но, увы, ничего не поделаешь. Не смог подгадать, чтобы всем удобно было. Смерть вообще неудобна. Но ты об этом не переживай, это всё естественный процесс.

– Дедуль, я скучаю. Я так скучаю... Я... не знаю, как теперь... всё будет. Что делать, когда вот так сильно скучаешь?

– Ну что ты, что ты. Что за глупости? Главное сам жив-здоров, руки-ноги целы, голова на плечах. Многое знаешь, многое умеешь, чему захочешь – научишься. Помнишь, что я тебе говорил? Быть взрослым – значить иметь возможность двигаться дальше. А ты уже давно взрослый, Витенька. Все скучают, я тоже скучаю, но надо просто это пережить. Помнишь, как мы с тобой сидели на крылечке, смотрели как солнце садится за огородом, и пили? Ты тогда мне ещё новые рюмки подарил. Как раз их и обмывали. Здорово было, тихо, спокойно... Помнишь же?

– Пока кот не начал в чулане скрестись, – вопреки настроению брякнул Вик и сквозь тоску рассмеялся. – Прости, расклеился я что-то. Так неожиданно всё случилось.

– А что тут неожиданного. Все мы под богом ходим. А я ещё и “*новестку*” давно ждал. Вот и пришла. Сколько раз тебе говорил, а ты всё “*ну что ты, дед*”, “*ты ещё молодой же, дед*”, “*сначала на моей свадьбе погуляй, дед*”... А сам не почесался даже, чтоб свадьбой обеспечить.

– Не почесался. Думал, сестра у меня старшая есть. Пусть она сначала. Прости. Кругом я перед тобой виноват.

– Не кругом и не передо мной, не выдумывай. Но есть у тебя одна очень большая оплошность. Нельзя было оставлять сестру одну. Нельзя было не стоять рядом с ней во время похорон. И сейчас нельзя её бросать, оставляя разбираться со всем, что после меня осталось. Она может и справится, но так неправильно. Она и так со мной, стариком, осталась, чтоб ты мог в городе учиться. Думаешь, ей легко было? Вы брат с сестрой, вы как прутья в одном венике, должны вместе встречать невзгоды, помогать друг другу.

– Я знаю. Знаю. Как раз спешил домой. Как ты тут?

– Сам видишь. Завтрак-обед по расписанию, здоровый сон, прогулки на свежем воздухе. А вот с самогоном беда. Старуха совсем озверела. Любой отбирает. ЗОЖ, ЗОЖ... Пугает, что, когда перерождаться придётся, гуси-лебеди меня не поднимут. Ты сам-то как сюда попал?

– Я? – озадачился Вик и начал вспоминать. – Я получил

сообщение от сестры, выяснил, где ближайший аэропорт, и поехал туда. А потом... А потом...

Почему-то перед глазами мелькали только разрозненные картинки грузовиков, крутящиеся как бельё в стиральной машинке, резко заболела шея, и нога непроизвольно вдавила подошву землю, как в педаль тормоза.

– Суп с котом. Знаю я, как ты водишь, когда в раздразе. Прямо по-кошачьи.

– В смысле “*по-кошачьи*”?

– Как будто девять жизней в запасе. Что-то у меня подзрение, что ты тут подзадержался. Это не место для живых. Нужно тебе возвращаться скорей. А то хуже будет. Вспоминай, как ты тут оказался?

– Так, гуси-лебеди принесли.

– Вот и обратно также. Любая логистическая система работает в обе стороны. Пернатая в том числе: им всё равно куда и кого относить.

– Гуси-лебеди сейчас в отпуске, – намолчавшись, встряла в разговор Маша.

– Что?

– Ну, июль-август... Время отпусков. Сам знаешь, – многозначительно развела руками девушка и невесело улыбнулась. – Сама бы сходила, да всё недосуг.

– Да что за бардак тут у вас, а? – праведно взбеленился Вик. – Уход работника в отпуск не должен влиять на работу организации. Кто у вас нормативно-правовые акты разработа-

тывал, а? Должен быть порядок отпусков. Приказ о временном исполнении обязанностей. Что ещё? Кто-то же должен их замещать, а?

– Да, есть тут у нас один. Замещает как раз, – хитро улыбнулся дед, и Вик сразу взмок. Когда дед был жив, такая улыбка не предвещала ничего хорошего.

* * *

– Ты издеваешься? – наклонился Вик к деду, когда вернувшись к избушке на курьих ножках, они застали трёхголового змея, мирно дрыхнувшего на грядках с картошкой.

– Ну ты посмотри получше, что тебе вечно всё не нравится? Почти всё как у лебедей! Лапки, крылья, и даже более того. Ты только глянь, какой вместительный. Укачивать не будет. Я же помню, тебя всё время в транспорте укачивало.

Маша прыснула и тоже потопталась:

– Я же говорила, что кони, птицы и змеи – это нормальный транспорт, а ты не верил.

– Очень смешно, – буркнул Вик. – И как вы себе это представляете? Дайте два билета до конечной?

– Ну ты попробуй попросить, за спрос денег не берут, – хитро прищурился дед.

– Ага-ага. Так он и согласился меня отвезти.

– А ты все проблемы только одним способом решить пытаешься? Ты же инженер! – опять встряла Маша.

– Ты видишь какие-то другие варианты?

– И даже не один. Шантаж, уговоры, похищение, подкуп... – стала загибать пальцы девушка с видом многоопытного нарушителя уголовного кодекса.

– А ещё можно с работодателем договориться, – раздался словно у самого уха старушечий ехидный голос. – Если один из вас останется, второго я отпущу. Ну что, отвезёшь?

Заслышав знакомый голос, Змей Горыныч приподнял центральную голову и лениво смерил гостей взглядом:

– Только за сказки. Сколько времени мне будешь сказки рассказывать, столько я буду лететь. И вообще, я предпочитаю милых и лёгких девушек, они лучше рассказывают...

– Он внук заслуженного учителя русского языка и литературы, – ехидно встрял дед. – Не всякая девушка столько сказок перескажет.

– Девушкам это и не нужно, они сами свои придумывают, – пробурчала про себя Маша.

* * *

– А? – уже оседлав пупырчатого змея и обхватив для поддержки центральную шею, Вик кинул взгляд на Машу со спокойным видом развязывающую косынку. Ему казалось, что все яблоки они уже скормил коню, но тут она достала новое румяное яблочко и смачно впилась зубами. – Ты что делаешь?

– Не переживай, уже можно, – крикнула девушка и пома- хала ему рукой. Змей Горыныч взвился вверх свечкой, ни- чуть не заботясь о перегрузках, и сквозь свист в ушах до Ви- ка донеслось, – я уже нашла братца. Теперь всё можно.

Глава 7. Маша

Откуда-то из темноты раздался визг тормозов, скрежет металла по асфальту, глухой удар. Потом ещё один, и тишина. Он хватал воздух ртом, но не чувствовал, как лёгкие наполняются им. Словно мышцы перестали слушаться сознания, оставив несчастную душу в окаменевшем теле. Он чувствовал лишь холод, липкий пот под спиной, в носу свербел металлический запах свежей крови, грудь разрывалась от боли, уши терзал прерывистый электронный звук. А затем что-то случилось... и глаза начали видеть. Перепончатая поверхность под пальцами оказалась грубым одеялом. Вик пошевелил пальцами и попытался подтянуть край на себя.

– Пустите, пустите меня к нему! – донесся из-за двери смутно знакомый голос. Дверь распахнулась, и в палату влетела девушка с лохматой косой и в криво застёгнутой куртке.

– Что... – прохрипел Вик.

– Очнулся! Живой? Сколько пальцев? – девушка склонилась над ним, принялась его ощупывать, слабо всхлипывая.

– Пятнадцать.

– Дурак! Слава богу, ты жив. Мне такой жуткий сон приснился. А ты не звонил и не отвечал. Я так испугалась, сначала дед, теперь ты... Сказала же, не торопись! Почему старшую сестру не слушаешься, а?

– Маша... Прости.